

СЕДНИК

1 СТРАНИЦА

● Верность идеалам революции до конца. ● Заглавную партию танцует Лариса Матюхина. ● Любимая мелодия американцев.

«Б АЛЕТ рифмуется с полетом», — сказал поэт. По-разному можно понимать эти строки. Когда танцует солистка Новосибирского театра оперы и балета заслуженная артистка РСФСР Лариса Матюхина, ее полет — не только парение в прыжке. Это полет в прекрасное. Это полет души.

Новосибирскому театру оперы и балета мастеров не занимать, однако и среди них Матюхину нетрудно заметить и выделить. Уверенный профессионализм дает ей то специальное спокойствие, при котором не заметна ни одна преодоленная трудность, ни одно из «выгодных» природных качеств не «подается», не подчеркивается. Танец льется широко, свободно, ровно.

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ...

Искренностью и своеобразной творческой честностью отмечено все, что делает Матюхина на сцене. Сложнейший технический прием выполняется с наслаждением, несет на себе личный «фирменный» знак. Посмотрите на ее заноску — легкое стригущее движение ногами в воздухе. Какая строгость, четкость линий, точно балерина успевает остановиться в полете и посмотреть на себя со стороны.

Желание не через театральный бинокль, а «вблизи», без грима и костюма, попытаться разглядеть «секреты» актерской и человеческой индивидуальности Матюхиной привели меня на одну из репетиций театра.

Утреннему классу не до хрустящих крахмальных пачек. Атмосфера рабочая, и здесь в порядке вещей вышитая майка, растрепанная капроновая юбочка, вязанный шерстяной чулок, небрежно спущенный под колено. Только не у Ларисы. Одета она всегда строго, аккуратно, с не подчеркнутым — природным изяществом. Спуск себе во время занятий не дает, работает в классе истово. Захваченное с собой махровое полотенце че-

рез час становится от пота вдвое тяжелее. Вполсилы Лариса ничего не делает, все упражнения выполняются, как на спектакле, и взлетает она все выше и выше, и нога отводится не на заданные сто тридцать пять градусов, а на все сто семьдесят.

В то утро она жила страстями трагедии рождающегося в этих стенах образа, о котором рассказывали глаза, лицо, руки... Сколько часов изнурительного труда пройдет, прежде чем осуществятся хореографические замыслы. Словно губка, впитывает балерина эмоции и мысли балетмейстера. От эпизода к эпизоду наполняется сосуд, совершается таинство — рождается образ. Ток духовности — от мастера к ученику.

А назавтра в театре шла «Жизель». Заглавную партию танцевала в ней Лариса Матюхина. В сплыве музыки и пластики на сцене рождалась поэтическая элегия любви. В синем-белом костюме пейзажи Жизель — Матюхина появлялась как новая тема в непрерывно льющейся мелодии. И словно родник, выбившийся на поверхность из глубины земли,

возникла ее любовь. Робкое, нежное и одновременно сильное чувство. «Историю одной любви» танцевала Матюхина. Рассказывая о том, как она рождается, какие грозят ей тревоги, как силится сокрушить ее обман. Как даже смерти не под силу одолеть эту стихию — любовь. Сумрак трагедии лежит на лице Жизели-виллисы. Оно будто застыло, и лишь глаза — огромные, словно бездонные, — говорят о сострадании к любимому, о вечной жертвенной любви. А потом после бурных восторгов зала уже не Жизель, а балерина Лариса Матюхина вышла на сцену. Кто-то из зрителей протянул ей цветы, и она... улыбнулась. И в тот момент мне почему-то вспомнился репетиционный зал, где в муках рождался танец. Рождались безмятежность юности, нежность любви, боль обиды. И усталая светловолосая девушка, опирающаяся на балетный станок, словно вслушивается в себя, ища эхо Жизели.

Так бывает во всех лучших ролях Матюхиной: появление ее героини на сцене — определяющий момент сценического действия. Жизель, с удивлением и интересом «выпорхнувшая» на сцену после легкого «стука в дверь»... Первое стремительное антре Китри